

Рудольф Штейнер

Из GA 275

Искусство в свете мудрости мистерий

Лекции 1, 2, 3

***Восемь лекций, прочитанных в Дорнахе
с 28 декабря 1914 г по 4 января 1915 г со
вступительным словом Марии Штейнер***

перевод с немецкого А. Демидов

**ПЕРВАЯ ЛЕКЦИЯ
Дорнах, 28 декабря 1914**

Эти лекции, прочитанные здесь, были до сих пор, в сущности, предназначены для того, чтобы построить мост от духовнонаучного познания к такому пониманию жизни, которого требует наша современность, и я намерен также и в эти дни сделать некоторые пояснения на эту тему.

То, что мы называем современной жизнью, живо выступает навстречу тем людям, которые, скажем, вследствие жизни в городе или жизни связанной с городом отрезаны от непосредственной связи с природой. Мы знаем, что люди при наступлении этой современной жизни всегда думали о значении этой современной жизни для всего как материального, так и для духовного поступательного культурного развития человечества. В эту современную жизнь

должно было влиться то, что мы ощущаем как, приходящие к нам из духовной науки импульсы. Мы будем постепенно возвращать в себе чувство, что по отношению ко многому, что выступает нам навстречу из современной жизни, духовная наука необходима в качестве своего рода противовеса, компенсации к тому, что содержит в себе современная жизнь как депрессивное, можно даже сказать разрушительное начало, по отношению к всеобщим духовно-божественным жизненным силам человека.

Если тот, кто в состоянии принимать в свои жизненные связи начальную стадию, можно сказать, инициативной жизни современной культуры, действительно позволит этой инициативной жизни действовать на себя, он сможет получить опыт, касающийся значения современной жизни для жизни человека в целом, опыт, который может оказаться куда более поучительным, чем опыт, полученный посредством внешнего, не затронутого спиритуальностью, наблюдения этой жизни. Тот, кто, так сказать, сделал первые шаги в инициативной жизни, иначе переживет опыт, который может быть получен, если мы проводим ночь в железнодорожном вагоне или на пароходе, особенно если мы спим в этом железнодорожном вагоне или на пароходе. Различие, возникающее тут между стоящими в начальной стадии инициативной жизни, и теми, кто никоим образом не связан с этой инициативной жизнью, состоит в том, что у первых может возникнуть осознанное переживание: он учится познавать, что, собственно, происходит с ним, если он проводит ночь, на пароходе или в железнодорожном поезде, особенно в спящем виде. Влияние, которое оказывается на весь человеческий организм от такого переживания, испытывает, несомненно, и тот, кто знакомится с этими вещами без посредства инициации, и другой, кто учиться узнавать об этих влияниях при посредстве инициации. В смысле

общего воздействия на человеческую природу тут, конечно, нет никакой разницы.

Если мы хотим понять, что, в сущности, имеется в виду под этими объяснениями, то нам следует вызвать в памяти одну, безусловно известную нам из духовной науки истину, а именно ту, что когда мы спим, мы с нашим «я» и астральным телом находимся вне нашего физического и эфирного тела. Фактически мы вследствие известных ограничений, естественным образом налагаемых на нас космическими законами, находимся в таком случае, - с нашим «я» и астральным телом, - в непосредственной близости от нашего физического и эфирного тела. Так что когда мы едем по железной дороге и спим, мы с нашим «я» и астральным телом в сущности, находимся целиком внутри всего того гула, грохота и шума, связанного с колёсами и механизмами ит.п. поезда. То же самое происходит на современном пароходе. Мы находимся внутри всего, что там происходит вокруг нас. Мы внедрены внутрь всего этого, отнюдь не музыкального окружения, переживаем его, и надо всего лишь проделать самые первые шаги инициации, чтобы при пробуждении заметить, как в возвратившихся в физическое и эфирное тело «я» и астральном теле принесено то, что они пережили в состоянии сдавленности из-за механизмов, в которые они действительно были внедрены, и через которые они проходили в момент перед пробуждением.

Все эти дисгармонические сжатия и дёрганья человек берёт с собой в физическое и эфирное тело; тот, кто когда-либо пробуждался с отзвуками того, что пароход или железнодорожный состав своими механизмами устроили в его «я» и в его астральном теле, тот, кто внес это в своё дневное бодрствующее сознание, тот замечает, как мало согласуется то, что он принес с собой с тем, что протекает внутри человека, как своего рода переживание «я» и астрального тела, вызванные внутренними

закономерностями физического и эфирного тела. Фактически он вносит внутрь осенний беспорядок, ужасную бурю, подергивание, расплющивание и лязг, и это фактически действует на эфирное тело так, - если человек тонко ощущает такие вещи, - как если бы его с физическим телом, - нечто другое действует на эфирное тело, - расплющивали и раздробляли; это, конечно, только сравнение, но вы поймете меня правильно. В этом состоят совершенно необходимые явления, сопутствующие современной жизни; и мне хотелось бы заранее сделать одно замечание, так сказать, упреждающее замечание, ибо такое изложение, которое я задумал сегодня, могло бы с легкостью вызвать то, что я мог бы назвать скрытым теософским высокомерием, неким известным скрытым высокомерием, обильно расцветающим тут и там.

Само собой разумеется, я говорю это без каких-либо, хотя бы общих, не говоря уже о специальных, намеков, ибо если человек излагает нечто подобное тому, что будет изложено сегодня, это немедленно вызывает суждения. Я считаю, что ввиду указаний на высокомерие теософов, легко может случиться так, что скажут: тут я должен как следует защитить себя, чтобы не подвергать свою собственную телесность этим разрушительным силам, тут я как следует должен защититься от всех влияний современной жизни, тут я должен прекрасным образом закрыться в камерке с правильным окружением, со стенами, покрашенными по советам теософов, так, чтобы меня не коснулось ничто из того, что соприкасается с моей телесной организацией, замкнуться от всего, что несет современная жизнь.

Мне поистине не хотелось бы своим изложением вызвать такие последствия. Всякое самостоятельное отступление, желание сохранить себя от влияний того, что с необходимостью должна приносить нам мировая карма, проистекает из слабости. Только антропософия может так усилить человеческий нрав,

душу, она может развить ту силу, которая вооружает и усиливает нас по отношению к этим влияниям. Вот почему в области нашего духовного движения ни в коем случае не должны высказываться рекомендации отступить от современной жизни, образовать тепличную культуру для духовной жизни. На почве истинной духовной культуры мы так действовать никак не можем. Несмотря на это следует понять, что более слабые натуры охотно отступают перед современной жизнью, уходят из неё в те или иные колонии, в которых они не желают соприкасаться с современной жизнью. Следует сказать, что это происходит не от силы, а от слабости души. Однако наша задача состоит в том, что мы делаем душу крепкой посредством того, что позволяем себе проникнуться импульсами, приходящими из духовной науки и духовных исследований, для того чтобы вооружить душу по отношению к влияниям современной жизни, чтобы душа могла выдержать то, что стучит и гремит вокруг неё, чтобы она была в состоянии найти свой путь в духовный мир через удары молотом и стук ариманических духов.

Одно должны принять мы к сведению, на что уже часто мне приходилось указывать. Мы, как люди спим не только ночью. Мы фактически спим также и днём, только вот замечаем мы этот дневной сон в меньшей степени, чем ночной. Ночью мыслительная жизнь человека угасает, и поскольку человек на душевном уровне преимущественно живет в своих мыслях, он естественным образом больше замечает помрачение мыслительной жизни во время сна. Днём жизнь воли в большей степени покоится; это человек замечает меньше, поскольку он в меньшей степени живет в воле. Следствием этого являются все споры философов о свободе или несвободе воли; ведь они не обращают внимания, что они исследуют волю, будучи дневными сновидцами и потому не могут прийти к её истинной природе, так что они говорят много несусветного вздора о свободе или несвободе воли, о

детерминизме и о неопределенности. Фактически, в то время когда мы развиваем нашу пространную, дневную жизнь, жизнь нашей воли осознаётся нами лишь в самой малой степени, она погружается вниз, в подсознание, в регион, принадлежащий исключительно астральному телу.

Так в течение дневной жизни мы принимаем участие во всём, что производит вокруг нас современная жизнь как давление и стук со стороны современной техники. Ночью мы в большей степени погружаемся в это прессование и стук нашей эмоциональной и мыслительной жизнью, тогда как днём - нашей волевой и эмоциональной жизнью.

Дело в том, что в ходе развития человечества не всегда существовало то, что мы называем современной жизнью. Она только впервые появилась, причем в существенном появилась с началом пятой послеатлантической культурной эпохи. Начало этой современной жизни совпадает с началом пятой послеатлантической культурной эпохи. Что же говорит внешняя духовная культура о возникновении этой современной жизни? Современная духовная культура, как мы знаем, гордится тем, что она достигла посредством этой современной жизни. Она говорит так: в течение всей древности, в течение всего средневековья люди были неспособны развить настоящее наблюдение за природой, которое могло бы привести к естественным наукам. Это впервые появилось только в новое время. - Если человек так говорит о новом времени, то оно примерно совпадает с началом пятой послеатлантической культурной эпохи. При этом игнорируют древние наблюдения за природой, и рассматривают природу объективно, в соответствии с её чисто абстрактными закономерностями. Вследствие этого естественная наука оказалась в состоянии, вследствие познания законов природы неслыханным образом, - эти слова слышаться слишком часто, - овладеть силами природы. Это и есть современная техника и то, из

чего эта современная техника возникает: она возникает вследствие того, что человек познакомился с законами природы и сформировал из материи свои машины в соответствии с этими законами, машины, посредством которых он воздействует на природу и на жизнь. Он вообще благодаря этому наполнил эту современную жизнь механизмами, создал техническую среду, то есть то, чем является вокруг нас современная жизнь, и что она создаёт. Итак, мы видим: новое время впервые основало настоящую естественную науку и, тем самым правомерно овладело природой и её силами.

Мы слышим, как нечто подобное говорится очень часто. Но если говорят так, то говорят на языке Аримана, ибо это и есть язык Аримана. Мы же хотим попытаться перевести эту речь Аримана, этот язык Аримана на действительный, настоящий язык, который мы пытаемся усвоить благодаря духовной науке. Посредством этого языка словам придаётся не только то значение, которое может быть дано им из наблюдения внешней природы, но также и то значение, которое придаётся им, если мы рассматриваем Космос как целое, то есть одновременно рассматриваем и его природу, и его духовную жизнь.

Прежде всего, возьмём исключительно внешним образом то, что происходит, когда мы строим современную технику. То, что тут происходит, представляет собой, ничто иное, как работу, производимую в два этапа. Первый этап состоит в том, что мы разрушаем природные связи. Мы разрабатываем каменоломни, извлекаем из них камни, мы злоупотребляем лесами, извлекая из них древесину, - можно было бы приводить все дальше и дальше, - короче, сначала мы создаём грубые материалы, разрушая или разрыхляя при этом природные связи. Второй этап состоит в том, что выколоченное из природы, снова сочетается, образуя машину, сочетается по законам, познанным как

законы природы. Таковы эти два этапа, если дело рассматривать чисто внешне.

Но как обстоит это дело при внутреннем его рассмотрении? Будучи рассмотрено внутренне, дело обстоит так: когда мы разрыхляем природу, прежде всего минеральную, то это, - как нам известно из прежних рассмотрений, - соединено с некоторым чувством удовольствия, которое ощущают при этом элементарные духи, духовное элементарное начало. Но в данном случае это нас мало заботит. Однако в том, что тут происходит, важно то, что мы изгоняем из природы соединенных с природой элементарных духов, которые относятся к царству, к сфере правомерных поступательно развивающихся иерархий. Во всём природном бытии находятся элементарные духовные существа. Когда мы ослабляем, разрыхляем природу, мы этих элементарных духов нагнетаем, втискиваем наверх в царство духовности. Вот что на самом деле постоянно связано с первым этапом. Мы раздробляем, разрыхляем материальную природу и тем самым высвобождаем из этой природы природных духов, которых мы из их, я бы сказал, сфер, предназначенных им Божеством Яхве, изгоняем в то царство, где они могут свободно порхать, не будучи связаны с предназначенным для них местом обитания. Итак, первый этап мы могли бы назвать изгнанием природных духов. Второй этап состоит в том, что мы составляем, сочетаем в соответствие с открытыми нами законами природы то, что мы вытащили, вымучили из природы. Когда мы, в соответствие с познанными нами законами природы, из сырья, из грубых материалов строим машины или машинные связи, совокупности машин, мы, тем самым, снова помещаем некоторых духовных существ в те формы, которые мы создаём, формируем.

Образования, формы, которые мы создаём, ни в коем случае не бездуховны. Когда мы формируем их,

мы тем самым создаём ложе для других духовных существ, и эти духовные существа, которых мы как бы вколдовываем в наши машинообразные сооружения, машинообразные формы, являются существами, принадлежащими к ариманической иерархии. Итак, на первом этапе мы встречаемся с природными духами, находящимися в непрерывном развитии, изгоняем их и, на другом этапе мы соединяем ариманических духов с тем, что мы строим как механизмы или иные технические устройства. Однако то, что мы живём в новое время в технической среде, содействует тому, что мы для того, что в нас ночью или днем находится в спящем виде, создаём ариманическое окружение. Вот почему не удивительно, что стоящий на первой ступени инициации, когда он при пробуждении приносит с собой то, что он переживал снаружи в том шуме, подергивании и грохоте, он ощущает это как нечто разрушительное, когда со всем этим в своём «я» и своём астральном теле вступает в физическое и эфирное тело. Ибо он вносит в свой собственный организм, так сказать, последствия совместной жизни с ариманическими элементарными духами. Мы можем сказать: в качестве третьего этапа, в качестве культурного этапа мы, вследствие окружающей нас техники, имеем то, что мы подобно чучелу набиваем себя ариманическими духами, мы оказываемся «нафаршированными» ими. Так выглядит дело с внутренней точки зрения.

Теперь от того, с чем мы познакомились как с оккультной стороной современной жизни, оглянемся назад на те времена, когда человек жил в большей степени так, что он во сне был отделен от природы всего лишь стенкой, легко проницаемой духовно, а днём работал внутри природы, внутри которой ещё находились правомерные Духи из иерархии Яхве. При этом мы должны будем сказать: тогда души людей, их «я» и астральное тело вносили в физическое и эфирное тело ту природную духовность, которая

побуждающим образом воздействовала на внутреннюю душевную жизнь. И чем дальше мы заходим назад в истории эволюции человечества, тем больше находим мы то, что сегодня становится всё более и более редким; что люди не оказывались нашпигованными ариманическими духами техники, но наполнялись теми, поступательно развивавшимися по прямой линии духами природы, которых, - если можно так выразиться, - добрые духи иерархий соединили с тем, что протекало или происходило в природе во вне, в её явлениях или существах.

Человек достигал той связи, которую ему надо было иметь, - если он в истинном смысле слова хотел стать человеком, - достигал лишь потому, что он в течение жизни искал такую связь в своём внутреннем мире, что он мог в своём внутреннем переживании так глубоко опускаться в свою душу, что в этих глубинах находил силы, приводившие его в связь с духовностью Космоса. То есть, с той космической духовностью, от которой он произошёл, и в которую он был включён; от которой он мог эмансипироваться, отделиться, от которой он уже отделился, вследствие чувственного восприятия и рассудочного мышления, а теперь, - как мы видели, - также и вследствие того, что современная жизнь нашпиговала его ариманическими духами. Только благодаря тому, что человек опускается в глубины своего собственного существа, он связывает себя с благими и целительными для него Божественно-духовными существами, с духовными иерархиями, развивающимися прямыми шагами, поступательно. Это соприкосновение с духовными иерархиями, для которых мы должны, в сущности, родиться духовно, эта совместная жизнь с ними будет для человека в высшей степени затруднена вследствие всё большего и большего насыщения мира средствами современной техники. Человек становится, некоторым образом вырванным из своих духовно-космической связи, и это будет гасить и заглушать в его внутреннем мире

то, что он должен развивать как силы, чтобы остаться связанным с духовно-душевым началом Космоса.

Тот, кто уже проделал первые шаги инициации, заметит потом, что всё то, что как механизмы, машины, пронизывают современную жизнь, внедряется в духовно-душевное начало человека так, что во многом умертвляет, разрушает его. Он замечает, что вследствие этого разрушения ему становится особенно трудно действительно развить те внутренние силы, которые приводят человека к связи с правомерными, - не поймите это слово неправильно, - духовными существами иерархий. Когда тот, кто проделал первые шаги инициации, медитирует, находясь на современной железной дороге или на современном пароходе, и хочет пережить себя в духовном мире, он, конечно, прилагает усилия, чтобы развить в себе те силы зрения, видения, которые приводят его в духовный мир; однако он замечает, как ариманический мир нашпиговывает его всем, что противодействует этой отдаче духовному миру; тогда начинается сильнейшая борьба. Можно сказать, что это внутренняя, переживаемая в эфирном теле, изматывающая, подавляющая борьба. Эту борьбу, конечно, испытывают и те, и другие, кто не проделал первые шаги инициации; различие состоит только в том, что проделавший эти первые шаги инициации осознают её. Каждый должен испытывать её; её последствия переживает каждый.

Было бы наиболее ложным, если бы стали говорить, что надо противиться всему тому, что несёт нам техника в современной жизни, что надо, мол, защищаться от Аримана, что надо, мол, уходить от современной жизни. Это в известном смысле было бы спиритуальной трусостью. Настоящее целительное средство состоит в том, чтобы не позволять силам современной души проявлять слабость, и отступить перед современной жизнью: надо укреплять силы души, для того, чтобы вынести эту современную

жизнь. Смелое обращения с современной жизнью – вот то, что необходимо в соответствие с мировой кармой. Поэтому особенностью характера настоящей духовной науки является то, что она заранее, с самого начала требует от человеческой души усилий, более или менее, весьма интенсивных усилий.

Часто слышишь: ведь книги, которые духовная наука предоставила в наше распоряжение, написаны так трудно, они требуют, чтобы человек напрягался, чтобы он проявлял активность в развитии своих душевных сил, чтобы совершенно вжиться в эту духовную науку. – «Доброжелательные» люди, – я это говорю в кавычках, – всё снова и снова приходят с неприемлемыми претензиями: они хотели бы несколько осветить трудные места для своих ближних и, по возможности, – это я говорю уже без кавычек, – хотели бы упростить, сделать более тривиальным то, что описано несколько трудным слогом. Однако к сущности духовной науки принадлежит то, что она предъявляет требования по активизации душевной жизни, что человек нелегко подходит к признанию духовной науки, ибо речь в рамках духовной науки идет не только о том, чтобы принять то или иное из того, что духовная наука говорит о тех или иных вещах: нет, речь идет о том, как воспринимает человек, о том, что он воспринимает, проявляя усилия, душевную активность. Человек должен, – простите за не вполне вежливое выражение, – в поте своей души заработать для себя достояние духовной науки. Это, – извините за механическое выражение, – является потребностью духовной науки.

Непонимание сущностного нерва духовной науки обнаруживается, когда в некотором смысле бегут от того, что даёт духовная наука в идеях и понятийных построениях. А как много людей бегут от этого, мы знаем; как много людей гораздо охотнее спят – Господь дает своё во сне! – и гораздо охотнее хотели бы быть околдованы всякими сновидческими картинами духовного мира от начала вещей, нежели

посредством активности, посредством укрепления внутренней, душевной жизни достигать познания. Мы знаем, сколь многим гораздо приятнее переживать то или иное видение, чем усестыся и изучать трудные духовнонаучные материалы по подходящей книге, которая годится для того, чтобы говорить к тем силам в человеческой душе, которые в обычной дневной жизни спят, то есть, пробуждать то, что в ином случае находится в человеке бессознательно, и вследствие чего человек живо вырастает в духовный мир. Правильный ход дела состоит не в том, что человек тупо воспринимает сознательную дневную жизнь, парит в сумраке, но в том, что человек прилагает усилия активизировать свою душу посредством того, что даётся в развитии мыслей и идей. Ибо если он переживает себя в этом идейно-мыслительном развитии, если он прилагает усилия, смело вживается в себя, то благодаря этому смелому, активному вживанию в себя он приходит к ступени, где он от чистого теоретизирования, от чистого мышления, от чистого признания того, что ему даётся, переходит к созерцанию, к действительному присутствию в духовном мире. Однако то, что в данном рассмотрении дается нам как современное понимание жизни, является тем, что мы посредством технических средств внедряемся в, своего рода, ариманическую сферу и позволяем ариманической духовности проникать в нас.

Самое страшное несчастье произошло бы в земном развитии, если бы в пятую эпоху не позаботились заблаговременно о том, что в соответствие с мировой кармой современное человечество должно жить среди этой ариманической духовности. Жизнь протекает, и не может протекать иначе, как, - я бы сказал, - в качании маятника. То в одну, то в другую сторону жизнь переживает раскачивание подобно маятнику. Нельзя было бы сказать: берегись Аримана! - поскольку нет средств, с помощью которых человек мог бы уберечь себя от Аримана. И

если кто-либо страстно желает постоянно прятаться в каморке, окрашенной в подходящие для него цвета, где по возможности не будет рядом ни фабрик, ни железной дороги, чтобы совершенно оторваться, отступить от современной жизни, то обнаружится ещё много, много других путей, чтобы ввести в свою душу ариманическую духовность. Он отказывается от современной жизни, но современная духовность найдёт к нему доступ.

Некоторым образом мог бы предотвратить несчастье в эволюции человечества тот факт, что выступило нечто, на что я уже давно указал в одном Мюнхенском цикле. Надо сопоставить все те вещи, которые относятся к активному переживанию современной духовной науки. Некоторым образом человеку дано искусство, искусство, которое тоже отбирает грубый материал, сырьё у природы, измельчая и дробя природу, и этот грубый материал на втором этапе снова сочетает в нечто такое, во что оно вдыхает некоторую, пусть даже всего лишь образную жизнь. Эта жизнь, данная благодаря художественному импульсу прошлого, является, - как я тогда указывал в Мюнхене, - способной к тому, чтобы пронизать материальное, главным образом, люциферической духовностью. Люциферическая духовность, прекрасная видимость, - всё то, что в искусстве воздействует на человека, уводит человека из материального в духовное, но при посредстве материальной жизни. Люцифер является Духом, который всегда избегает материального и хочет неправомерно перенести человека в духовную жизнь. Это другая откачка маятника. Только благодаря тому, что мы в нынешней инкарнации должны проходить через техногенную среду, становится возможным вступить в связь с ариманическим, вступить в связь с чем-то таким, что в прежних инкарнациях было в большей степени погружено в художественный элемент. Тем самым мы противопоставляем некоторые люциферические силы сегодняшним

ариманическим силам, создавая тем самым равновесие, в то время как прежде маятник жизни раскачивался то в одну, то в другую стороны.

То, что является наиболее желаемым для духовной науки, так это то, чтобы человек не в сонном и мечтательном состоянии проходил через то, к чему его принуждает мировая карма. Но в сонном или сновидческом состоянии те люди, которые не хотят ничего знать о духовной науке, идут сквозь все влияния ариманического и люциферического. Они подвергаются этим влияниям и последствиям, даже если они сами об этом не знают. Но жить так дальше нельзя, ибо жить дальше можно только сознательно; духовная наука для того и существует, чтобы люди, проходя через мир не спали и не грезили, но познавали, в каком окружении они живут. Но сюда относится то, что мы, можно сказать, отдаем должное, - извините за это слово, - духовнонаучным потребностям, тесно связываемся с ними. Такая тесная связь часто не принимается во внимание; это я смог обнаружить, читая конспекты лекций, прочитанных мною. Я нахожу там, как то, что для меня часто является важным, в конспектах не появляется. Возьмите лишь пару вещей, касающихся только что сказанного мною. Недавно я употребил одну фразу и сказал, что духовная наука не просто хочет чего-то, но должна хотеть, или обязана хотеть. Это известный оборот речи, который совершенно естественно-наивным образом проистекает от того, кто говорит из духа духовной науки, ибо духовная наука, как это само собой разумеется, ведет к обезличенному пониманию истин духовной жизни, как и другие науки. Говоря в стиле других наук, следовало бы сказать: «духовная наука чего-то хочет». - Однако она говорит: «как она должна хотеть, или обязана хотеть». - И я говорю: «как я должен выразиться», - а не «как я выражаюсь».

Многое относится именно к таким тонким увязкам; их не следует пропускать мимо ушей. В большей

степени мы должны начать верить, что дело в том, чтобы воспринять духовную науку в самые внутренние силы человеческой души, и быть в состоянии преобразовать эти силы; вот почему нельзя подходить к духовной науке, мысля в той же форме, как мыслим мы обычно о внешней жизни. Те вещи, которые я имею тут в виду, ещё мало осознаются. Это можно заметить и проследить по известным, можно сказать, грубым симптомам внешнего научного развития.

Примеры можно было бы отыскать во многом. Современная религиозная наука, атеистическая религиозная наука ставит себе в заслугу, что она добывает некоторые познания о связи, скажем, новозаветных изречений и требований с ветхозаветными и языческими изречениями и требованиями. Например, исследовали «Отче наш» в отношении происхождения каждой отдельной строки и говорили: эта отдельная строка уже обнаруживалась тут, другая - там. - Когда такое слышишь, это может показаться приемлемым. Но в тот момент, когда человек при всемирно историческом рассмотрении, при спиритуальном всемирно историческом рассмотрении подступает к Мистерии Голгофы, он замечает, что все эти вещи явлены в новой связи. Дело не в открытии того, что все эти фразы уже были в более древние времена, но в том, чтобы рассматривать контекст этих фраз, посредством которого они получают новые нюансы. А они всегда разные в Новом и Ветхом Завете. Вследствие этого то, что пришло благодаря Мистерии Голгофы, приводит к совершенно утонченным вещам. Слова часто остаются теми же, но форма и способ нюансировки связей, их оттенки иные, - а в этом всё дело.

Необычное состоит в том, что понятие, представление «я» во всей системе эволюции речи, чем дальше мы уходим назад в дохристианские времена, организуется совершенно иначе, нежели

после, когда от Мистерии Голгофы человек продвигался вперед в будущее. Форма, в которой говорили об «я» была иной, что можно увидеть во всей конфигурации речи. Когда, например, во многих языках значение «я» приписывают глаголу, то это означает нечто совершенно другое, нежели когда такое слово выступает и выговаривается изолированно от глагола, и так далее.

Итак, дело в том, что мы посредством духовной науки прорабатываемся к такому пониманию жизни, что приходим к тому, чтобы сознательно созерцать то, что оказывает влияние на нашу духовно-душевную человеческую организацию. Та форма, в которой я описывал отношение человека к его техническому окружению, находится, конечно, ещё в самом начале своего развития. Примерно четыре столетия прошло, с тех пор как эти вещи стали проявляться в таком объёме, как это имеет место сегодня. И это гордое собой 19 столетие сделало мощный шаг вперед на пути ариманизации человеческой жизни. Однако посредством этой ариманизации были сделаны важные шаги в будущее человеческое развитие. Мы находимся в нём примерно четыре столетия. Оно поднимается медленно и постепенно. Сегодня уже достигнут известный высший пункт для всех тех, столь многих, среди наших ближних, которые, будучи изолированы в городской жизни, уже едва ли имеют связь с настоящими природными духами. Однажды я, можно сказать, символически высказывался о том, что для человека, для его развития существенным является то, может ли он отличить ячмень от овса. Но действительно, как много людей мы находим в городской среде, таких, кто не может отличить ячмень от овса! Сами растения они, возможно, ещё и отличают, поскольку у овса и ячменя сделать это относительно легко, но вот зёрна, - отличить одно зерно от другого, - этого они уже больше не могут. Если они жили в городе, или даже родились в городе, они обычно не могут отличить их друг от друга.

Но развитие человечества таково, что всегда, если один этап делает шаг вперед, это продвижение одного этапа связано с каким-то другим переживанием, как бы на каком-то другом этапе, который находится в параллельном потоке. Так тоже бывает. Когда современный человек описанным мною способом шагает навстречу Ариману посредством технической жизни, он шагает навстречу Ариману ещё и иным способом. Когда на место грубого рассмотрения истории, какое порождается сегодня материализмом, будет выступать спиритуальное рассмотрение истории, тогда человек увидит то, на что теперь указывает духовная наука.

Если мы посмотрим назад, на те времена, которые предшествовали последним четырём столетиям, мы увидим, что человек, прежде всего, не только по отношению к своей среде, своему окружающему миру занимал совершенно иную позицию, нежели сегодня, но он стоял в совершенно другом отношении к тому, что проявлялось в нём самом, поистине проявлялось через него самого: он стоял в другом отношении к своей речи, к тому, что он говорил. В речи мы поистине имеем не только то, во что верит современная материалистическая наука, в речи нам даётся нечто такое, что многократно связано с не полностью осознанным человеческим переживанием, что происходит в регионах подсознания человека, и что, поэтому проникнуто духовными существами. Духовные существа живут внутри речи человека, действительно внутри, и если человек формирует слова, строит слова, в его слова устремляются элементарные духовные существа. На крыльях слов духовные элементарные существа летят через пространство, в котором люди беседуют друг с другом. Вот почему важно, чтобы человек обращал внимание на некоторые деликатные моменты речи, чтобы, говоря, он не просто предавался бы произволу эмоциональной жизни.

Можно сказать, что до 15, 16 столетий человек стоял по отношению к своей речи так, что он ещё кое-что улавливал от живого переживания элементарной духовности, имевшей место в речи. В нём ещё действовало то, что наличествует в речи как духовность, ибо речь является в некотором отношении более гениальной, более духовной, чем отдельный человеческий индивидуум. Сегодня только иногда замечают, как человек из, так сказать, материалистического образа мыслей возвращается к ощущению гениальной духовности речи.

Однажды я на одном очень ясном, даже тривиальном примере в этом месте указывал на то, как можно вследствие своего образа мыслей особенным образом, так сказать, выйти из материалистической роли современности. Это, в сущности, ещё делают многие люди, однако они сами не сразу осознают это. Если кто-либо, например, путешествуя по Рейну говорит о «старом Рейне», что он имеет в виду? Несомненно, он что-то ощущает. Но, что же именно, что он имеет в виду? Я не думаю, что, говоря о «старом Рейне», люди имеют в виду речное русло, выемку в земле. Это было бы единственным, что осталось. Но, что же должно было быть «старым Рейном» в ином случае, этого не могут открыть; конечно, вода совершенно новая, она утекает всё дальше, и если вы попытаетесь найти нечто древнее, кроме полого, вымытого речного русла, вы ничего найти не сможете. Старый Рейн! Речь гениальнее, чем человек, ибо, само собой разумеется, что в речи подразумевается, - пусть даже люди и не осознают этого, - речной бог Рейна! Элементарное существо, которое принадлежит ему, обозначают вполне адекватно, если говорят: старый Рейн.

Это грубый пример. Речь повсюду проникнута такой спиритуальностью, такой верой в духовность. И у всех народов Европы в течение четвертого послееатлантического культурного периода вплоть до 15, 16 веков в природу человеческой души было

заложено чувство этой связи с духовностью, осуществляемой через речь. Если же этого не замечают, то не имеют и правильного чувства по отношению к началу Евангелия от Иоанна. Ибо к тому, что стоит в начале Евангелия от Иоанна: «В начале было слово», ещё вело сознание, как в том, чем является слово во всей человеческой организации и в человеческой жизни, даётся, - прежде всего, посредством элементарной духовности, - связь человека со всем миром, который лежит за чувственным миром.

Если мы рассматриваем жизнь людей с помощью средств духовной науки, рассматриваем, как протекала эта жизнь в течение столетий средневековья, вплоть до нового времени, мы на самом деле находим, - если мы можем всматриваться в эти души, - что отношение человека к его речи было иным в течение четвертого послеатлантического культурного периода, причем даже в последней фазе этого периода, до 14, 15 столетий. Люди слышали во всём, что они говорили как бы некий нижний, добавочный тон, правильный добавочный тон. Этому больше не верят, поскольку сегодня человек живет лишь в материальном начале звуков речи. Нечто духовное звучало совместно, как бы отзвук того же самого в нижней октаве. Если человек говорил, или слушал как говорят, звучало совместно с этим нечто такое, что не было дифференцировано в зависимости от той или иной речи; это было нечто общечеловеческое. Действительно можно сказать: если испытывают во всей полноте человеческое переживание в раскрытии, расцвете отдельных языков, то этот расцвет человечество переживает сегодня как дрожание звуков в ухе, переживают эти звуки как нечто, имеющее смысловое значение. Раньше, напротив, переживали погружение всех элементов речи в то, что звучало совместно и что не дифференцировалось по отдельным языкам. Границей

между одним и другим переживанием являлись 15. - 16 столетия. Человечество было оторвано от Гения речи.

Никто не сможет понять тот существенный толчок, который был дан человечеству в 15, 16, 17 веках, если он не учтёт этого своеобразного помрачения дополнительных нижних тонов в человеческом речевом переживании. Люди нечто утратили; это осуществлялось в рамках событий времени, будь это борьба, будь это мирный труд. Человеческие души переживали это вплоть до названного момента времени. Во всём человеческая душа сопереживала этот отголосок тех дополнительных нижних тонов при переживании речи. Поэтому вся история перед этим моментом времени носит иной отпечаток, чем после него. Занимаясь духовной наукой надо, я бы сказал, воспитывать духовное ухо для этих отзвуков, переживание которых в средневековье было совсем иным, нежели сегодня, поскольку человеческие души совсем иначе переживают то, что могло быть пережито тогда.

Для примера мне хочется взять крестовые походы как человеческое переживание, как душевное переживание. Они мыслимы так, как они переживались в средние века, лишь в том случае, если знают, что в речевом переживании имело место сопереживание этих нижних дополнительных тонов, духовно-спиритуальных нижних тонов. Слова Клермонтского Собора: «Этого хочет Бог - Dieu le veut - поистине не затронули бы современных людей Средней и Западной Европы так, как трогали они людей средних веков. Но причину этого можно узнать, только поняв, что же тогда говорилось.

Со всем этим, однако, связано одно важное явление во всей современной духовной жизни. С этим связана вся формация новой исторической жизни. Попробуйте как-нибудь связать свои исторические представления с той струящейся интимностью языковых нижних тонов; тогда вы поймёте, почему в

указанной точке времени происходит группирование европейских национальностей, которые до тех пор стояли в совершенно ином отношении друг к другу, были подчинены совершенно иным импульсам в их отношении друг к другу. То, как национальности Европы соединялись на отдельных территориях, формируясь вплоть до нынешних дней, связано с теми импульсами, которые были бы интерпретированы совершенно ложно, если бы человек, возвращаясь в прошлое от настоящего времени, искал возникновение национальностей в средние века или в античной древности без учёта того, какой важный этап следовало тогда перешагнуть в душевной жизни.

Я могу дать вам только намёки, так как тема, собственно, требует долгого рассмотрения. Самое важное относительно этих вещей надо предоставить вашей собственной медитации, которая найдет то, что может быть дано благодаря такому побуждению. Чего бы мне хотелось достичь посредством такого побуждения, так это то, чтобы дать представление о том, как можно построить мост от духовной науки к жизненным воззрениям, к пониманию жизни, о том, как духовная наука может вести человека к сознательной позиции по отношению к тому, чем мы живем в действительности.

Естественным образом должно затем проявиться то, - если упомянуть об истинных основах таких указаний, - что наше время должно с необходимостью сделать многое, что по отношению к древности должно выступить как обновление. Если мы вследствие мировой кармы будем поставлены сегодня в совершенно особую, ариманически действующую среду, и наши душевные силы должны укрепиться настолько, чтобы через все препятствия, приходящие к нам от ариманической духовности, найти всё же дорогу в духовные сферы, - человеческая душа сегодня нуждается в других средствах поддержки, нежели нуждалась она ранее. И это связано с тем,

что даже искусство должно пробить себе новый путь во всех областях.

Само собой разумеется, что искусство должно было говорить иначе, обращаясь к той душе, которая в меньшей степени была подвержена ариманическому влиянию, нежели должно оно говорить к современной душе, которая гораздо сильнее подвержена этому влиянию. Самый первый шаг к такому искусству, поистине самый первый шаг, ещё несовершенный должен быть сделан посредством нашего здания, нашего Бау. Предпринимается попытка в этом здании создать настоящее искусство, которое апеллирует к активности души: в связи с целостным охватом современной жизни, но со спиритуальным охватом современной жизни. Вспомните ещё раз, то, до постыдного тривиальное сравнение, которое я давал относительно нашего здания несколько недель тому назад. Я говорил: как относится то, чем должно стать наше здание, к тому, как воздействуют старые здания, старые произведения искусства вообще?

Старое произведение искусства воздействовало посредством того, что было в его формах и красках. Формы и цвета создавали впечатление. Если обозначить схематически, если это форма, то эта форма воздействует на глаз (изображается на рисунке). Воздействие оказывало то, что находилось в пространстве, которое было заполнено формой. И точно так же обстояло с красками. Воздействовала краска, которая была на стене.

Я говорил, что с нашим зданием дело мыслится не так, но наше здание задумано так, - и в этом и состоит постыдно тривиальное сравнение, - как «кухонный горшок», кухонная форма, «горшок для кулича», который не представляет собой ничего самостоятельного, но служит формой для кекса, кулича. Тут дело в том, чтобы находящееся внутри получило форму, если же он пуст, то обнаруживается, что он является «кухонной формой», «кухонным горшком». Дело в том, что он делает из кулича, из

кекса. В случае нашего здания дело в том, что переживают души в своих глубинных основах, когда они задерживаются в этом здании, когда они доходят до границ формы этого здания. Итак, произведение искусства, в сущности, лишь побуждает посредством того, что находится в нём как форма. Произведение искусства есть то, что переживает душа, когда она вдоль и поперек переживает форму. Произведение искусства есть всего лишь кухонный горшок, кухонная форма. То, что строится, есть кухонная форма для кулича, кекса; поэтому надо попытаться применить здесь совершенно новый принцип.

Также и то, что будет находиться в нашем здании как живопись, будет там не для того, чтобы действовало само по себе, действовало посредством самого себя как такового, что имело место в старом искусстве; нет, оно должно позволить душе сталкивающейся с ним, пережить то, что сделает её переживание произведением искусства. Тем самым происходит преобразование, - я могу лишь намекнуть на всё это, - преобразование старого принципа искусства в новый, который можно обозначить, говоря: пластический, живописный элемент, когда он будет поэтапно развит дальше, будет приводить к некоему музыкальному переживанию. Возможен и обратный путь; из музыкального назад, к пластически- живописному.

Это вещи, которые не могут быть произвольно произведены из человеческой души; нет, они связаны с самыми глубинными импульсами, которые мы можем испытать, находясь в первой трети пятой послеатлантической культурной эпохи. Это как бы предписано нам теми духовными существами, которые руководят этим развитием. Всюду должно быть положено начало. Если люди посчитают, что в нашем здании много несовершенного, они могут быть уверены в том, что те, кто причастны к этому зданию, могли бы обнаружить в нём много, гораздо больше несовершенств, чем те, кто критикует,

поистине гораздо больше. Эти вещи подвержены тому, до чего не доходят те, кто рассматривает здание чисто внешне. Но дело не в этом; дело в том, что тем самым положено начало тому, что должно происходить. Дело не в совершенстве, с которым мы можем выполнить то, что должно быть желаемо; но дело в том, чтобы то, что здесь должно вступить в жизнь, пусть даже и в несовершенном виде вступить в жизнь, было когда-либо исполнено, сделано, чтобы положить начало. Ибо всё, что, как нечто новое вступает в мир, несовершенно по отношению к тому, что продолжает существовать как старое. Старое живет как высшая ступень, а новое ещё ходит в детской обуви. Это само собой разумеется.

От этих, напоследок сделанных замечаний об обновлении художественного мировоззрения и связи художественного мировоззрения со всей культурной жизнью современности, я буду исходить в завтрашних рассматриваниях.

ВТОРАЯ ЛЕКЦИЯ Дорнах, 29 декабря 1914

В ходе этих рассматриваний мне хотелось бы, - на что я уже указывал вчера, - поговорить с вами о важных преобразующих импульсах, заложенных в наше время в художественную эволюцию человечества. Мне хотелось бы присоединить это к тому, что давалось вам, когда вы рассматривали наше здание, а именно то, чему наше здание хочет положить хотя бы слабое начало. Но для того, чтобы мы могли проводить такие рассматривания, будет необходимо создать основу, основные положения о связи художественного начала с познанием, достигнутым нами относительно связи человека с миром вообще.

Эти рассмотрения, выглядящие, возможно, в большей степени теоретическими мне хотелось бы предпринять и сегодня, а затем завтра продолжить в отношении нашей основной темой, а именно - преобразовательные импульсы в художественной эволюции.

Я говорю, что мне хотелось бы сегодня дать основные положения, которые могут показаться по большей части теоретическими. В действительности речь тут идёт для тех, кто понимает духовную науку как нечто живое, жизненное, не о чём-то теоретическом, но тоже о всецело жизненном. Это с полной ясностью может выступить для тех, для кого идеи о физическом теле, эфирном теле, астральном теле и «я» и так далее, не являются просто наименованиями для схематического изображения человеческого существа, но обобщением действительно пережитого в ощущениях, в представлениях о духовном мире.

Если мы рассматриваем отдельные искусства, то строительное искусство, архитектура представляется нам как то искусство, которое главным образом высвобождено из всего человеческого существа. Строительное искусство высвобождено из человеческого существа вследствие того, что он поставлено на службу нашим внешним импульсам; или чисто потребительским импульсам, как в случае утилитарного строительного искусства, или оно должно быть поставлено на службу более идейным, идеальным интересам, что имеет место, если оно своими творениями служит культу, религиозной службе и так далее. Мы по ходу рассмотрения сами увидим, как другие искусства, можно сказать, в более утонченной, интимной форме примыкают к собственно человеческому существу, нежели строительное искусство. Строительное искусство имеет нечто высвобожденное, эмансипированное от того, что мы обозначаем как закономерности внутреннего мира человека. И всё же для

наблюдателя мира, который исходит из духовной науки, строительное искусство в очень значительной мере теряет этот свой характер поверхностности, чего-то внешнего.

Если мы подступаем к рассмотрению человеческого существа, то, как наиболее внешнее в этом существе нам выступает навстречу физическое тело. Однако это физическое тело проникается волнами и воздействиями эфирного тела. Физическое тело может быть названо чисто пространственным телом, пространственной организацией. Но то, что как эфирное тело включено, вставлено в физическое тело, или, как вам известно, выступает над физическим телом и находится в утонченной связи с космическим целым, не поддаётся рассмотрению, если мы не возьмём на помощь время. Ибо, в сущности, всё в эфирном теле является ритмом, циклическим протеканием движений, деятельным оперированием; пространственный характер эфирное тело имеет лишь вследствие того, что оно наполняет физическое тело. Для человеческого имагинативного созерцания в любом случае необходимо, чтобы эфирное тело было представлено в пространственном образе, но это не составляет его сущностного начала. Его сущность – есть цикличность, ритм, нечто, протекающее во времени. И сколь мало в музыке выступает пространственный элемент, но именно временной, столь же мало в реальности человеческого эфирного тела, – но не в его имагинативной репрезентации, – выступает пространственное; нет, тут дело в движении, в чем-то подвижном, деятельно формирующем себя, но формирующемся ритмически, формирующее себя подобно мелодии, итак, нечто временно'е. Конечно, здесь имеется трудность для человеческого представления, ибо человеческое представление очень привыкло к тому, чтобы относиться ко всему на пространственном уровне. Но надо приложить немало усилий, для того, чтобы придти к правильному

представлению об эфирном теле, взяв на помощь, можно сказать, музыкальные представления, а не пространственные представления.

Подчёркивая ещё одно свойство эфирного тела, мы можем сказать: это эфирное тело является, прежде всего, силовым телом, когда оно, наполняя физическое тело, внедряет в физическое тело свою деятельность, свою ритмическую игру. Оно является изливанием сил, само-проявлением сил. И мы замечаем эти силы в явлениях, которые происходят в человеке на протяжении его жизни. Одно явление, на которое мало обращает внимания внешняя наука и внешнее рассмотрение мира, есть распрямление человеческой фигуры; мы часто отмечаем это явление в человеческой жизни. Мы вступаем в мир через детство, ещё не владея той способностью, которая придаёт человеку важнейшую позицию, или положение, положение прямостояния. Мы сперва должны овладеть этой способностью. Это овладение хотя и исходит из астрального тела, но астральное тело должно сначала перенести на эфирное тело свою, простирающуюся в высоту силу; эфирное тело в ходе времени работает над тем, чтобы поставить физическую человеческую фигуру в вертикальное положение. Тут мы видим живую игру астрального тела и эфирного тела над формированием физического тела. Это наиболее наглядное явление, - распрямление этой фигуры и занятие ею вертикального положения. Но каждый раз, когда мы поднимаем руку, происходит подобный процесс. В нашем «я» мы можем иметь только мысль об этом движении руки, этом поднятии руки; эта мысль должна сперва подействовать на астральное тело, и астральное тело переносит свою деятельность, - то, что оно имеет в качестве импульса, - на эфирное тело. Что же тогда происходит? Допустим, человек держит свою руку в таком горизонтальном положении. Он образует себе представление: я хочу поднять руку немного выше, вот сюда. - Это представление,

которое в жизни следует от поднятия руки, переходит в астральное тело; внутри него образуется импульс, идущий от астрального тела на эфирное тело, и теперь, пока рука находится в горизонтальном положении, в эфирном теле происходит следующее: эфирное тело, прежде всего, поднимается вверх, и рука следует за ним. Физическая рука следует за тем, что сначала происходит в эфирном теле как силовое развитие. Рука следует за ним.

Общий процесс я ещё опишу завтра, теперь же я хочу всего лишь обратить внимание на то, что мы при каждом движении, при совершении какого-либо движения имеем дело с силовым раскрытием, развертыванием сил, за которым следует положение равновесия. С таким развёртыванием сил и последующим положением равновесия мы постоянно имеем дело в жизни нашего организма. Конечно, у человека нет осознанного знания о том, что, в сущности, в нём происходит, но то, что тут происходит, представляет собой нечто бесконечно мудрое, нечто столь бесконечно разумное, что разумность «я» у человека даже отдалённо не достигает этих вещей. Мы не смогли бы двигать рукой, если бы нам приходилось полагаться только на нашу разумность, на наши сведения, ибо те тонкие силы, которые должны быть развиты в эфирном теле, исходя из астрального тела, которые должны потом перейти в физическое тело, совершенно недоступны обычному человеческому познанию. Мудрость, заключённая здесь в миллионы раз превышает ту, которую развивает часовщик, делая часы. Мы обычно не думаем об этом, но эта мудрость действительно должна раскрыться. Она должна быть раскрыта, и она будет раскрыта благодаря тому, что мы с нашим «я» доверимся самим себе. В тот момент, когда наше «я» посылает импульсы представления в астральное тело, нам должно помогать другое существо. Будучи одни, мы не смогли бы ничего начать. Существо из иерархии Ангелов должно помогать нам; мы от этого

зависим. При малейшем движении пальца такое существо со своей мудростью, которая далеко превосходит человеческую мудрость, должно помочь нам. Мы не могли бы делать ничего иного, как оставаться неподвижными и представлять, оставаться неподвижно застывшими в мире, если бы нас постоянно не вовлекало в свою деятельность существо высших иерархий.

Вот почему к первым шагам инициации относится: овладеть представлениями, сведениями, которые приобретаются самостоятельно, о том, как эти силы действуют на человеческую натуру.

Мы пытались показать здесь, что означает, если голова хочет опереться на руку и так далее. Мы познакомились, так сказать, с наиболее внешней стороной нашего существа, с тем, что происходит посредством воздействия нашего эфирного тела на наше физическое тело в пространственной системе линий и сил. Если мы эту пространственную силовую и линейную систему, которая, в сущности, постоянно действует в нас, переносим в мир и в соответствие с этой силовой системой упорядочиваем материю, если мы высвобождаем эту силовую систему из нас самих и в соответствие с ней упорядочиваем материю, то возникает строительное искусство. Всякое строительное искусство состоит в том, что мы высвобождаем из себя эти силовые взаимосвязи, и переставляем их в пространство. Так что мы можем сказать: если здесь мы схематически будем предполагать самые внешние границы нашего физического тела, то мы выдвигаем наружу внутреннюю закономерность, запечатлённую в физическом теле посредством эфирного тела, выдвигаем её вне нас: благодаря этому и возникает строительное искусство. - Всё, что существует как законы сочетания материи на уровне архитектуры, строительного искусства, целиком и полностью находится в человеческом теле. Строительное искусство, архитектура - есть проецирование вовне, в

пространство собственных закономерностей человеческого тела.

Мы знаем, что для нашего наблюдения к физическому телу примыкает эфирное тело. Если мы ещё раз обратим взгляд на какое-нибудь произведение архитектуры, что сможем мы сказать по поводу этого архитектурного произведения? Мы можем сказать: тут стоит вынесенное наружу в пространство соотношение между вертикалями, горизонталями и силами, действующими друг на друга так, как в ином случае они развёртываются в человеческом физическом теле.

Точно так же мы можем то, что из астрального тела утекает в эфирное тело, теперь уже не выносить наружу, вне нас, но только в нас самих перенести вниз от астрального тела в эфирное тело. Итак, мы можем вызвать нечто такое, что мы не отделяем от нашей природы, не выставляем в пространство, но что мы всего лишьдвигаем в нас самих. Если мы выполняем эту процедуру, то мы, в сущности, имеем дело с неким претворением законов эфирного тела в физическое. Законы эфирного тела приобретают физический характер, те законы, которые эфирное тело получает от астрального тела, тогда как в архитектуре физическим становились спроецированные вовне законы физического тела. И вот, благодаря тому, что возникает снаружи из нашего эфирного тела, - тогда как архитектура возникала из нашего физического тела, - возникает скульптура или пластика, так что мы как бы сдвигаем вниз на одну ступень законы эфирного тела.

АРХИТЕКТУРА

Физическое тело

СКУЛЬПТУРА

Эфирное тело

Как в архитектуре мы выдвигаем наружу в пространство законы физического тела, так в

скульптуре мы опускаем вниз на одну ступень законы эфирного тела. Мы не обособляем, не отделяем их от нас, но мы вдвигаем их в наш собственный облик. Как архитектуру мы должны считать вне нас образованной закономерностью физического тела, так скульптуру мы должны считать закономерностью нашего эфирного тела в нас; мы только лишь дополняем её потом в образной форме в образном произведении. Все закономерности пластики раскрываются, если мы рассматриваем её так. Если в случае архитектуры мы имеем дело лишь с законами физического тела, его пространственными линиями и силовыми воздействиями, вынесенными в пространство, и ничего иного в пространство не принимается, ни от эфирного тела, ни от астрального тела, ни от «я», то в случае скульптуры дело обстоит так, что мы сводим вниз на одну ступень законы эфирного тела; мы тут ничего не имеем ни от астрального тела, ни от «я», но только то, насколько эти астральное тело и «я» посылают импульсы в эфирное тело. Вот почему произведение скульптуры выступает перед нами так, что пробуждает видимость жизни. Совершенную жизнь оно обретало бы в том случае, если бы астральное тело и «я» находилось внутри него. Итак, мы должны, исследуя законы скульптуры уяснить себе то, что они являются законами нашего эфирного тела, подобно тому, как архитектура содержит законы нашего физического тела.

Если же мы сделаем то же самое в отношении нашего астрального тела, как бы снова сдвигая астральное тело на одну ступень глубже, в эфирное тело, то тогда мы сдвинем вниз то, что уже живёт в человеке. Тут не возникает ничего, что поистине могло бы быть пространственным, поскольку астральное тело, будучи сдвинуто в эфирное тело, не может быть выдвинуто в пространство, ибо эфирное тело суть ритмы, суть созвучия и так далее. Тут может возникнуть только образ, и на самом деле тут

возникает образ, картина: возникает живопись. Живопись является тем искусством, которое содержит в себе законы нашего астрального тела точно так же, как скульптура содержит в себе законы нашего эфирного тела, а скульптура - законы нашего физического тела.

ЖИВОПИСЬ

Астральное тело

Если же мы посмотрим на четвертый член нашего человеческого существа, на «я», и передвинем это «я» в его законами вниз, в астральное тело, сдвинем далее, вниз, позволяя ему быть подвижнее, быть активнее, то мы снова получим другое искусство, которое не содержит того, что действует в «я», того, что мы обобщаем посредством нашей речи или посредством обычных представлений, но мы получим нечто такое, что от «я» оттеснено на одну ступень в подсознание. Как если бы с горизонта нашего сознания, мы опустились на половину одного члена нашего существа вниз, мы с «я» погрузились вниз в астральное тело: вследствие этого возникает музыка.

МУЗЫКА

«я»

Итак, музыка содержит законы нашего «я», но не так, как изживаем мы их в обычной прозаической жизни, но оттесненными в подсознание, в астральное тело; «я» как бы погружается под поверхность астрального тела и, будучи внутри него, плавает и волнуется в соответствии с закономерностями астрального тела.

Если же мы хотим говорить о высших членах человеческого существа, прежде всего, о Самодухе, мы можем говорить об этом как о том, что ещё находится вне человеческого существа. Ибо мы только в пятом послеатлантическом периоде

постепенно начинаем делать этот Самодух внутренним членом своего существа. Но если человек принимает это как нечто, сходящее свыше и погружающееся в его «я», то есть снова погружение того, что сегодня можно всего лишь предчувствовать, уподобляя пловцу погружающемуся в воду, погружения в «я» предчувствия своего Самодуха, - тогда возникает поэзия.

ПОЭЗИЯ

Самодух

Если бы мы захотели идти ещё дальше, то вы могли бы, до известной степени естественным образом, сказать себе: поскольку в нашем окружении, в нашем спиритуально-духовном окружении, которое мы должны будем принять позднее, заложен Жизнедух, могло бы быть так, что этот Жизнедух когда-либо погрузится в Самодух. Но, конечно, сейчас это может быть лишь нечто такое, что только в очень отдалённом будущем может достичь известной степени совершенства. Ибо человек, пытаясь погрузить Жизнедух в Самодух, должен целиком и полностью жить в том элементе, который ему сегодня ещё совершенно чужд. Следовательно, об этой области можно говорить в лучшем случае только так, как говорят о лепете ребенка по отношению к более позднему совершенству речи. Можно предчувствовать, что когда-нибудь будет в большем совершенстве явлено то искусство, которое в некотором смысле так же поднято над поэзией, как поэзия, - тут, само собой разумеется, имеется в виду не приоритетность, а только упорядоченность, - поднята над музыкой, музыка над живописью, живопись над скульптурой, а скульптура над архитектурой. Вы, само собой разумеется, предчувствуете, что я при этом указываю на нечто такое, что мы сегодня знаем лишь в самых, что ни на есть первичных началах, что мы можем иметь лишь

как самые первые намёки: это эвритмия. Эвритмия поистине есть нечто, что с необходимостью должно выступить в человеческой эволюции, что, однако не должно являться поводом для высокомерия, ибо сегодня это, само собой разумеется, может быть всего лишь лепетом по отношению к тому, что когда-нибудь должно будет возникнуть из этого искусства.

ЭВРИТМИЯ

Жизнедух

Мы можем где-либо ещё выступить с дальнейшим рассмотрением. Но если мы хотим сделать такое рассмотрение, нам надо уяснить себе, что человеческая организация поистине не так проста, как это часто представляют себе ради собственного познавательного удобства. Действительно очень удобно представлять себе, что человек состоит из физического тела, эфирного тела, астрального тела и «я» и так далее. Если человек может эти вещи перечислить, если он имеет приблизительные представления об этих вещах, то он может с легкостью удовольствоваться таким мало-мальски удобным познанием. Но дело обстоит не так просто. Ведь это не оболочки, которые вдеты друг в друга - эти физическое тело, эфирное тело, астральное тело и «я», но на самом деле это очень сложные образования. Если, например, выхватить астральное тело, нельзя, всего лишь просто сказать: это астральное тело и на этом закончить, - нет, дело обстоит сложнее.

Астральное тело, например, - тут можно использовать только приблизительно обозначающие слова, - тоже расчленяется, оно состоит из семи членов. Как сам человек разделяется на семь членов, - физическое тело, эфирное тело, астральное тело, «я», Самодух, Жизнедух, Духочеловек, - так и астральное тело проходит сквозь все эти члены;

имеется как бы наиболее тонкая часть астрального тела, которую можно назвать как преимущественно подготовленную, сформированную для физического тела. Итак, закономерное проявление астрального тела по отношению к физическому телу, закономерное проявление астрального тела для эфирного тела, закономерное проявление астрального тела в отношении себя самого, закономерное проявление астрального тела для «я», закономерное проявление астрального тела для Самодуха, для Жизнедуха и для Духочеловека. Каждый из этих членов опять-таки в свою очередь семиричен, так что мы, когда имеем семичленного человека и думаем, что каждый член его снова семиричен, имеем уже сорок девять членов. Это, конечно, ужас для современной психологии, которая рассматривает душу как единство и не желает вдаваться в подобные вещи. Но для настоящего познания, которое должно постепенно вступать в духовную эволюцию человечества, это имеет значение. Так как если мы знаем, что астральное тело имеет семичленную природу и является организмом внутренних жизненных импульсов, тогда мы скажем себе: в этом астральном теле и в его семиричности, семичленности протекают процессы между его отдельными членами. - Та часть астрального тела, которая соответствует физическому телу, та часть, которая соответствует эфирному телу, часть, соответствующая самому астральному телу и так далее. И это не просто абстрактные допущения; например, в организме человека вполне может случиться так, что, скажем, человек внутренне, - несомненно, более в бессознательном, нежели в сознательном состоянии, - почувствует возбуждение в том члене астрального тела, который соответствует физическому телу. Затем вследствие чего-либо может возникнуть возбуждение в том члене астрального тела, которое соответствует самому этому астральному телу, и так далее. Это

действительно происходит, это не просто теория, так действительно происходит.

Если вы действительно представите себе, что семь членов астрального тела располагаются в такой же последовательности, как звуковые интервалы: прима, секунда, терция, кварта и так далее, тогда, если вы предадитесь воздействию мелодии, вы будете иметь в своей человеческой организации это воздействие; оно основано на том, что если в мелодии звучит тот или иной интервал, он внутренне переживается в соответствующем члене астрального тела. Терция переживается в той части астрального тела, которая соответствует самому астральному телу. Кварта будет переживаться в той части астрального тела, которая, - обозначается как ближняя, - соответствует душе рассудочной или душе характера. Квинта будет переживаться в той части астрального тела, которая соответствует душе сознательной. А если вы вспомните, что мы при более точном разделении (человеческого существа) получали девять частей, то мы и астральное тело должны делить так, в соответствие с данными указаниями. Перечисляя, я могу сказать так: тот член астрального тела, который соответствует физическому телу, - как можно сказать в нашем данном случае, - будет переживаться в прима. Я мог бы сказать: часть астрального тела, соответствующая эфирному телу, - как я могу сказать в данном нашем случае, - будет переживаться в секунде. Говоря о члене астрального тела, который соответствует самому астральному телу, я могу сказать; - в нашем данном случае я могу сказать, - что он будет переживаться в терции.

--
--
--

КВИНТА -- душа сознательная
КВАРТА -- душа рассудочная

ощущающая

ТЕРЦИЯ -- астральное тело {

астральное тело

СЕКУНДА - эфирное тело

ПРИМА - физическое тело

Однако вы видите, что существование большой терции и малой терции действительно соответствует тому, как включено, как встроено астральное тело во всю нашу человеческую организацию. Мы имеем совпадение, - возьмите только соответствующий абзац из моей книги «Духоведение», - с одной стороны то, что мы называем астральным телом, и с другой стороны то, что мы называем душой ощущающей. То есть то, что я обозначил как терцию, может соответствовать астральному телу или соответствовать душе ощущающей. Первый случай даёт большую терцию, а второй случай - малую терцию.

Фактически, на этом внутреннем музыкальном действии астрального тела оснуется сопереживание музыкальных произведений искусства, причем, в то время как мы слушаем такое произведение искусства посредством нашего «я», мы одновременно погружаем переживание в наше астральное тело, в некий подсознательный регион.

Но это, совершенно несомненно приводит нас к очень значительной вещи. Рассмотрим теперь нас самих, насколько мы являемся астральными существами, поскольку несём в себе астральное тело. Кем мы, собственно, являемся? Мы являемся астральным существом, созданным из Космоса в соответствие с музыкальными законами. Насколько мы являемся астральным существом, мы имеем музыкальную связь со всем Космосом. Мы сами являемся инструментом.

Допустим, что мы не нуждались бы в музыкальном звучании тонов, а могли бы слушать ту творящую деятельность в Космосе, которая в нашей астральной организации создавала нас из Космоса, тогда мы стали бы слышать звучание мировой музыки, то, что всегда называлось музыкой сфер. Допустим, мы были бы в состоянии сознательно погружаться в наше астральное существо и подняли бы это астральное существо до таких высоких сил, до таких духовных сил, что мы слышали бы творящую деятельность мировой музыки, то мы могли бы сказать себе: Космос с помощью нашего астрального тела играет наше собственное существо. Эта мысль, которую я только что высказал вам, в древности жила в человеке, поистине жила. И когда человек направляет внимание на нечто такое, он тем самым указывает на материализацию человеческого развития в пятый послеатлантический культурный период. Ведь, разумеется, такая мысль не живёт в нынешней внешней культуре человечества. Человечество ничего не знает о том, что человек в отношении своего астрального тела является музыкальным инструментом. Но так было не всегда, но о том, что так было не всегда так сказать, забыли. Было время, когда люди говорили себе: был однажды некий Иоанн, и этот Иоанн мог приводить себя в такое состояние, что он слышал музыку небесного Иерусалима. - Они говорили: вся земная музыка может быть всего лишь подражанием той небесной музыки, которая берет свое основания от сотворения человечества. - И они ощущали, - более религиозно настроенная часть человечества, - что человек, вследствие того, что он проникся желаниями физического мира, вобрал в себя импульсы, которые затуманили, помрачили для него небесную музыку. Но они в то же время ощущали, что в человеческой эволюции должен существовать путь, ведущий посредством очищения от внешней хаотической

жизни к цели: сквозь внешнюю материальную музыку слышать спиритуальную мировую музыку.

Это было прекрасно выражено ещё в 10, 11 веках, когда хотели указать на отношение внешней, материальной музыки к её божественному первоисточнику, указать на то, что является её первоисточником в духовном мире как небесная музыка; при этом требовалось, чтобы человек сделал для себя музыку, музыкальное жертвенной службой, религиозной службой, чтобы он осознал, что если он извлекает звуки, он должен освободить себя от связи с чисто хаотическим, - как это ощущали, - нечистым внешним миром. Жизнь в обычной внешней речи ощущали как нечто нечистое. И подъём к духовным высотам ощущал тот, кто в музыке поднимался от речи к отображению небесной музыки. Это выражали, говоря: «**Ut** queant laxis **re**sonare fibris **mi**ra gestorum **fa**muli tuorum **sol**ve polluti **la**bii reatum, **S.I.** - Sancte Iohanne. »

Если это перевести, то это должно было бы звучать так: «Чтобы слуги Твои легкими голосовыми связками могли воспеть чудо Твоих трудов, искупи вину губ, ставших земными, - губ, ставших способными к речи, - святой Иоанн». - Ибо на того, кто слышал музыку небесного Иерусалима, взирали вверх при таких обстоятельствах. Отметим нечто, заложенное в таком изречении: **ut**, из слова **re**sonare - **re**, из слова **mi**ra - **mi**, из **fa**muli - **fa**, из **sol**ve - **sol**, из **la**bii - **la**, **S.I.** - **si**. Слово **ut** было позднее заменено на ДО, но первоначально оно обозначало ДО. Итак вы имеете: до, ре, ми, фа, соль, ля, си, то есть то, что в средние века использовалось для нотной записи. Вот что зашифровано в этих стихах.

При таких обстоятельствах мы, в тот момент, когда мы возвращаемся к тому, что благодаря атавистическому ясновидению жило в душах до 11, 12 веков, видим, как оно исчезает перед наплывом материалистического мировоззрения, как оно уходит из сознания людей. Однако теперь мы живём в то

время, когда мы посредством духовного познания снова должны найти это, должны снова воссоздать это. Дело действительно обстоит так, как если бы нам всё ясно показывало, что это развитие опустилась вниз, претерпело деградацию, что оно опустилось так низко, что возникло болото. Грязная вода этого болота – есть всё то, что в качестве представлений произвело материалистическое мировоззрение. И теперь мы стоим перед тем, чтобы снова выбраться, подняться из этого материалистического болота и снова обрести то, что человечество потеряло при спуске.

Вчера я указывал на то, что человек, в сущности, спит не только ночью, но что кое-что спит в человеке и днём. Ночью спит в большей степени мыслительно-эмоциональное начало, днем спит в большей степени волевое-эмоциональное начало. Именно в это волевое и эмоциональное начало погружается человек, если даёт своему «я» погрузиться в астральное тело. В звучании музыкального произведения искусства происходит как раз то, что человек сознательно погружается со своей «я»-природой в то, что в ином случае спит. Когда вы сидите, прослушивая симфонию, это означает в вас внутренний процесс, заглушающий обычную повседневную мыслительную жизнь, и своим духовно-душевым переживанием погружающийся в то, что в ином случае спит в течение дневной жизни. Это обуславливает связь музыкального воздействия со всеми оживляющими силами человеческого организма; это содействует связи со всем тем, что пронизывает и оживляет всего человека в целом, что позволяет ему быть единым, я бы сказал, сросшимся со струящейся массой звуков.

Ночью мы спим. Тут повседневная жизнь мыслей приглушается в том элементе, который мы сейчас не имеем внутри нормального сознания. Если же нам удастся вносить в наше обычное дневное сознание то, что в спящем человек становится пробужденным, если то, в чём живёт человек во сне, погружается в

бодрственную жизнь, тогда, - заметьте противоположность; я только что сказал, что «я»-переживание в случае музыкального переживания погружается в то, что спит днём; теперь же мы то, что переживали ночью, погружаем в дневное бодрствование, - тогда это становится поэзией. Это ощущали такие люди, как Платон, когда они называли поэзию божественной грёзой, божественным сновидением.

Если мы так углубляемся в связи человека со всем Космосом, мы можем, - как это может человек под руководством искусства, - вселить некоторую жизнь в то, что в ином случае останется чисто понятийным шаблоном. Но заметьте, эти вещи не являются чисто понятийным шаблоном! Некоторым людям доставляет радость, если они то, что развито в моей книге «Духоведение» («Теософия») могут одно за другим упорядочить в схему; некоторые, безусловно, считают чистым упрямством, что здесь, в том пункте, где я дал три троичности, но так, что они захватывают одна другую, я уклонился от того, чему учили в прежних теософских заведениях. Но если исходить из того, что переживается относительно реального положения дел, тогда уже из природы мажорной и минорной мелодии можно увидеть, что эти вещи глубоко оснуются во всей структуре Космоса. Только тогда, если эти вещи живо извлекаются из всей структуры Космоса, они соответствуют настоящей реальности.

Было необходимо сказать для начала кое-что, настоящие основы чего выступали лишь в ходе лет, постепенно. Пришлось подвергаться той опасности, что люди выступят со своей критикой, поскольку они не знают, на чём покоятся эти вещи, как должны они выглядеть, если принимать во внимание всю структуру Космоса. Но так обстоит дело со многим. Против очень многого, сказанного сейчас, можно выдвинуть очень много возражений, если приближаться к этим вещам с поверхностными

понятиями. Однако в ходе лет, или, возможно десятилетий обнаруживается то, что эти вещи подтверждаются, оказываются правильными. Сами духовнонаучные познания станут плодотворными, если они не будут больше теорией, но станут чем-то живым.

Всё дело в том, чтобы подняться от того, что просто связано со словами «физическое тело», «эфирное тело», «астральное тело» и так далее, подняться к оживлению этих идей; ибо тогда из этого ожившего, ставшего живым изойдёт, излучится настоящее понимание мира. И те, кто в состоянии, могли бы сравнить то, что преподносила эстетика в ходе последней половины столетия, с тем, что может последовать из познания человеческой организации для дедуктивных выводов относительно искусства. Тот, кто провел такое сравнение, увидит, насколько невозможно придти к действительному пониманию того, что живёт в нашем окружении и радуется нас самих, без знания человеческой организации.

Мне хотелось бы вызвать переживание того факта, что сама духовная наука дает начальный импульс, который может быть развит всё дальше и дальше, что мы некоторым образом призваны сделать самые первые шаги, и можем предчувствовать, что возникнет из этих первых шагов, когда мы уже не будем при этом в этом воплощении.

АРХИТЕКТУРА

Физическое тело

СКУЛЬПТУРА

Эфирное тело

ЖИВОПИСЬ

Астральное тело

МУЗЫКА

«Я»

ПОЭЗИЯ

Самодух

ЭВРИТМИЯ

Жизнедух

Третья лекция
Дорнах, 30 декабря 1914

Возможно, нам удастся наилучшим образом исследовать наши суждения о том, что благодаря духовнонаучному рассмотрению должно проникнуть в наши души и в наши сердца, если бросим взгляд на большую часть того, что я решился дать как «Очерк тайноведения». Тут мы в первую очередь имеем, если отвлечемся от вводных глав, которые должны давать как бы подготовку, тех глав, которые должны служить для того, чтобы познакомиться с существом человека, его отношению к рождению и смерти, и его жизни в духовных мирах; после этих вводных глав следует описание великих космических связей, конечно в виде наброска, которые ведут нас через стадии изменений нашей Земли, перед тем как она стала Землей, через бытие Сатурна, Солнца и Луны, и вводят нас в бытие Земли. Затем нам дается совсем беглое, но кратко указывающее на всё, изложение относительно того, как будет выглядеть для нас бытие Юпитера, Венеры и Вулкана. Мне хотелось бы сказать, что вместо обстоятельного описания этого бытия Юпитера, Венеры и Вулкана было дано описание того, что должен сделать человек, если

он хочет, чтобы в нём протекали те внутренние душевные переживания, которые должны, в конце концов, привести его к инициации. В более точном виде эти процессы вплоть до известного этапа описаны в книге «Как достигают познания высших миров?».

Мы увидим, что для нас духовная наука распадается на две части: одна часть, где мы описываем космические связи, описываем, чем было то, что является перед нами сегодня как Земля с её существами и остальной Вселенной, в самом древнем отдаленном прошлом, и какова перспектива их дальнейшего развития. Если вы изучите рассматриваемые нами, то вы всюду увидите, что большая часть наших рассматриваний находится под влиянием того, что было воспринято нами в связи со становлением Космоса. Другая часть наших рассматриваний направлена на то, что должна делать душа, чтобы войти в духовные миры, иными словами, как достигнуть инициации. Этих внутренних переживаний по преодолению, борьбе, спасению и достижению, которые должна испытать душа, мы некоторым образом всегда касаемся во второй сфере наших рассматриваний. Если мы наблюдаем наиболее существенное в наших рассматриваниях, то оно относится или к одной, или к другой их части.

Если мы сначала обращаем внимание на первую часть наших рассматриваний, на описания, проходящее через бытие (древних) Сатурна, Солнца, Луны и так до бытия Земли, то мы таким описанием предоставляем миру нечто такое, что для нынешнего, будь то религиозного, будь то научного мировоззрения, крайне неприемлемо; мы предоставляем нечто такое, на что большая часть современных мировоззрений будет смотреть как на абсурд. Ибо, само собой разумеется, что наше современное мировоззрение найдёт чересчур фантастическим описание такого миропорядка, которое мы должны были дать, например, описывая

бытие (древнего) Сатурна; описание такого космического порядка для современных нам воззрений представляется таким, что могут сказать только одно: это абсолютная бессмыслица, давать такого нельзя, это какая-то фантастическая выдумка! - Точно так же обстоит дело и с другой частью того, что мы должны были описать.

Вспомните одно изречение, которое я уже неоднократно повторял здесь и вчера. Я говорил: человек спит не только ночью, когда помрачается его мыслящее и представляющее сознание; человек частью своего существа спит также и днём. В то время как ночью в большей степени спит жизнь представлений, днём в части нашего существа в большей степени спит жизнь воли. Внизу, в глубине нашей телесности спит жизнь воли, по крайней мере, наибольшая часть жизни воли. Ибо эта жизнь воли человека является значительно более охватывающей, нежели осознанная жизнь воли, которую мы развиваем. Последняя - всего лишь малая часть. И мы можем смело сказать: человек с его обычным сознанием, когда он днём выполняет свою работу или удовлетворяет свои потребности, является всё же по большей части спящим. Бесконечно многое происходит подсознательно, и даже то, что он делает осознанно, он в большей части лишь по видимости выполняет осознанно, половину же и больше половины - бессознательно.

Если мы точно наблюдаем человека в том, что он, осознавая наполовину или больше чем наполовину, делает бессознательно, тогда наше духовное зрение может направиться на то, что он, будучи спящим, не является таким неверующим скептиком, как бодрствующий человек; он совершенно не является неверующим скептиком. Современный бодрствующий человек приходит со своим мировоззрением и заявляет: описание бытия (древнего) Сатурна в такой книге как «Очерк тайноведения» есть чистейший, абсолютный вздор! - такая точка зрения сама собой

разумеется. Но человек как человек в целом не говорит так, но несёт в себе нечто, благодаря чему он, - позвольте мне так выразиться, - бессознательно знает, что когда-то сатурническое бытие имело место. Он занимается чем-то таким, посредством чего он документирует, что на бессознательном уровне он в некотором роде вспоминает это сатурническое бытие. То, что он так делает, говорит о том, что он будет архитектором. Ибо архитектурное искусство никогда бы не возникло, если бы человек сегодня не носил в себе тех законов, которые были напечатлены человеку в его физическое тело ещё в то древнее сатурническое время. Вчера мы сообщали о том, как эти, находящиеся в физическом теле законы могут быть спроецированы в пространство; и тогда, снаружи они становятся архитектурными законами. Само собой разумеется, он должен делать это современными средствами; то, что выступает нам навстречу в современных произведениях архитектуры, выглядит совершенно иначе, нежели то, что нам известно как «сатурническая архитектура». Но самое существенное, живое, что можем мы сделать в архитектурных творениях, является тем, что насаждено в человеке вследствие древнего сатурнического бытия.

Возьмём то, что мы, таким образом, проводим перед нашей душой, в ещё более глубоком смысле. Что делает человек, когда он совсем, будь он спящим, будь он познающим, будь он потребителем, подходит к архитектурному творчеству? Он живёт в сатурнических законах своего физического тела; это значит, что если он совершенно погружается в законы архитектуры, он забывает всё то, что живёт в нём в качестве эфирного тела, астрального тела и «я», он снова становится сатурническим человеком. Всё жесткое, всё непорочное, всё молчаливое и опять-таки говорящее в архитектуре, есть ни что иное, как то, что человек, в связи с отчуждением высших членов своего существа переместил туда, что

дали ему духи высших иерархий, - Троны, Архаи, которые принимали участие при начале сатурнического бытия, - главным образом обе группы этих высших существ, поддержанные другими существами высших иерархий.

Здесь мы действительно не только поднимаемся над современной Землей, но и над отдаленным, исключительно дальним прошлым; тут имеет место перемещение себя в это сатурническое бытие, которое производит человек, предаваясь архитектурному творчеству или испытывая удовольствие от архитектурного творчества, само собой разумеется, если речь идет о настоящем искусстве.

Теперь мы переходим к скульптуре, к пластическому, скульптурному искусству. Вчера мы видели, что законы скульптуры являются законами эфирного тела, которые человек оттесняет на одну ступень в своё физическое тело. Как то, что живёт в физическом теле, будучи вытеснено в пространство, становится там архитектурой, так становится скульптурой то, что живёт в эфирном теле, будучи оттеснено в физическое тело. Довольствуясь скульптурой, мы отчуждаемся от астрального тела, от «я» и всех высших членов. Получая удовольствие от скульптуры, мы живём в нём так, как если бы мы имели одно лишь физическое тело, и в этом физическом теле - выражение эфирного тела; это является перемещением в древнее солнечное бытие. Всё то, что было насаждено человеку в древнем солнечном бытии, становится современным при наслаждении скульптурой или при создании скульптуры. То, что выступает нам навстречу в скульптуре, кажется нам родственным с одной стороны, поскольку возвращает нам наше собственное далекое весьма отдаленное прошлое, которое ещё находится в нас как нечто творческое, творящее, - это наше солнечное время. С другой стороны, оно кажется нам столь мраморно гладким,

мраморно холодным, поскольку то, что приходит к нам из скульптуры, отсвечивает чем-то, приходящим из далекого Космоса, из далекой Вселенной.

Приступая к живописи, мы знаем, что живопись покоится на том, что в эфирное тело оттесняются внутренние импульсы астрального тела, так что в живописи мы отстраняемся от нашего «я» и живём так, как если бы мы переживали только лишь в астральном теле, но это астральное тело было бы сдвинуто вниз в эфирное тело. Мы тут переживаем себя во всём том, что было насаждено в нас в древнем лунном бытии, том древнем лунном бытии, которое нам как людям предоставило астральный внутренний мир, астральное внутреннее содержимое. Художественное творчество, живопись является как бы внешней проекцией этого нашего астрального внутреннего мира. Точно так же как мы переживаем в нашем внутреннем астральном мире такие настроения как печаль, радость, как нечто характерное, исполненное выражения, как мы переживаем то, что приносит нам судьба, так переживаем мы и то, что наколдовывает нам художник на полотне, и что является отражением нашего собственного внутреннего астрального существа.

Если вы попытаетесь немного вжиться в то, что описано в «Очерке тайноведения» как сатурническое, солнечное и лунное бытие, тогда вы откроете, что на самом деле при описании сатурнического бытия в основу положено архитектурное настроение, при описании солнечного бытия в основу положено скульптурное настроение, а при описании лунного бытия - настроение живописца, художественное настроение. Это было попыткой в словесном выражении восстановить эти настроения. Именно это относится к отображению оккультных событий в большей степени, чем сегодняшние вспомогательные литературные средства; человек проявляет полное непонимание стиля оккультных описаний, если он

считает, что можно было бы достичь чего-то верного, используя ужасные вспомогательные литературные средства нашего времени.

Затем мы перейдём к земному бытию, в котором мы живём в нашей непосредственной современности, как в предоставленной нам реальности. Она не является чем-то таким, по отношению к чему мы, живя внутри неё, имели бы потребность художественным образом ставить её перед собой. Напротив, то, что человек ощущает как потребность создавать, исходя из себя, нечто художественное, не исчерпывается тем, что он в архитектуре, скульптуре и живописи как бы воссоздаёт своё космическое прошлое, исходя из насажденной в нас памяти. Художественная потребность заходит дальше. И если мы исследуем духовную основу этого дальнейшего продвижения художественной потребности, мы должны найти её в том, что в «Очерке тайноведения» после описания сатурнического, солнечного, лунного и земного бытия эскизно изображено в качестве дальнейших ступеней развития, как бытие Юпитера, Венеры и Вулкана, а также дано далее, как описание процесса посвящения, который, главным образом, является внутренним человеческим процессом. Эти процессы инициации надо представлять себя так, что они, в том виде, как они выступают нам навстречу сегодня, являются началом важнейших преобразований человеческой земной жизни, и вообще человеческой жизни в будущем. Разве не обстоит дело так, что по отношению к человеческой земной жизни можно почувствовать, если ощущать более глубоко: ах! Эта земная жизнь человека; насколько человек осознает её, она протекает так, что человек кажется самому себе сиротой в Космосе, кажется брошенным ребенком Космоса, можно даже сказать заблудшим странником Космоса.

Но всё же, человек в своём повседневном сознании, в своём бодрствующем сознании не знает, как осуществлялось то, что возникало вследствие

сатурнического, солнечного и лунного бытия, что живёт в нём; он также не знает, что возникнет из него в том, что должно стать бытием или состоянием Юпитера, Венеры и Вулкана. Не зная своих первоисточков, без знания своего будущего, человек заблуждается в пропасти земной юдоли. Порой он может чувствовать себя крепким благодаря своему сознанию и быть уверенным в своём будущем, но предметно-вещественным образом, ни прошлого, ни будущего земному человеку измерить не дано. Тем не менее, перед душой человека будет выступать то, что может стать вождём в надёжном жизненном направлении, которое будет дано, если люди познакомятся с тем, что даётся им как направляющая линия в законах инициации; тех законах, которые в древности ещё представляли собой некое наследие богов, которым были наделены люди, и которое выступало как атавистическое ясновидение. Это наследие, однако, по мере нашего вживания в будущее, должно всё больше и больше охватывать человека и формировать его внутренние душевные силы.

Несомненно, этот путь, эта тропа инициации имеет две стороны. Одна сторона состоит в том, что человек посредством инициации знакомится с тайнами, с загадками бытия; в том, что посредством инициации он вступает в духовные переживания бытия. Но другая сторона в том, что мы можем назвать более субъективной, в большей степени, разыгрывающейся в душе инициацией. Это как бы то, перед чем люди по большей части в страхе отступают, поскольку на самом деле она такова, что не относится к приятным душевным переживаниям, которым душа предается с легкостью или которым она хотела бы предаться. Имеется некая шкала, необыкновенно подробная шкала внутренних переживаний, для тех, кто постепенно должен вести свои внутренние переживания к инициации. Преодоление, высвобождение, сопротивление и спасение – они

видоизменяются разнообразнейшим образом во внутренних переживаниях на пути инициации: тут человек должен проделать всё то, что позволит почувствовать душу так, как если бы эта душа вдруг стала совершенно чуждой себе, как если бы она обрушилась в пропасть, где она должна чувствовать себя, как если бы она была вечно потерянной, и никогда не могла бы снова обрести того, чем она обладала в какое-либо время жизни. Это может подвергнуть душу бесконечному ошеломлению, оцепенению и печали, вследствие утраты уже достигнутого бытия. А затем душа снова может подвергнуться тому, как если бы она должна была раздробиться, должна была бы перейти в бесконечную множественность, во все те существа, из которых составлен Космос. Но затем снова приходит настроение, как если бы она должна была бы чувствовать себя странствующей через существа Вселенной, становясь родственной с сущностью одного, затем опять – таки, оставляя эту сущность, становиться родственной с сущностью другого, как я это описал в моей книге «Порог духовного мира», где я изобразил переживания, которые всегда связаны с болезненными лишениями, с болезненными потерями, когда они переживаются в отдельности. В конце концов, душа может пережить нечто, где она, так сказать, претерпевает радикальное преобразование, при котором душа должна решиться на то, что может быть выражено словами: ты теперь должен на некоторое время потерять себя самого, оттолкнуться от себя самого, но ты должен верить, что, в то время, когда ты потеряешь самого себя, в то время, когда ты отталкиваешься от самого себя, существо, которое покоится в далях божественных иерархий, хранит тебя и даст тебе снова обрести себя, после того, как ты потерял себя. – Таково прохождение через рождение и смерть. Это то, что следует проделать в числе переживаний, ведущих к посвящению.

В конце концов, это является исполненным жути, ужаса прохождением через все те силы, которые необходимы не только для земной жизни, но необходимы для жизни внеземного Космоса, которые, однако, будучи неправомерным образом внесены в земное бытие Люцифером или Ариманом, становятся силами зла; это исполненное ужаса прохождение через силы зла, вместе со всем тем, что означают они, как подкапывающие, разрушающие, поглощающие начала во всём Космосе. Это, в конечном счете, прохождение через ту стадию, где человек смеет чувствовать себя всего лишь инструментом, орудием, через которое говорят духовные существа, где он символически становится тем, чем является его гортань в качестве отдельного члена, где он становится гортанью божественно-духовных существ, где он сам себя чувствует покоящимся во всемогущем, Божественном слове. Когда-нибудь наступит состояние, когда в будущем это чувство соединится с сопереживанием Божественного тканья и воления в Космосе.

Однако здесь описаны всего лишь отдельные состояния. Бесконечно многоступенчато, многогранно то, что испытывает душа. Описание того, как душа может освоиться, смириться со всеми этими состояниями, и с каждым таким состоянием подниматься на одну ступень выше по тропе инициации, делать один шаг дальше к духовному миру, вы, в более подробном виде найдёте, - в той мере, насколько такое описание необходимо для современности, - в книге «Как достигнуть познания высших миров?», или также в книге «Порог духовного мира». Да, всё то, что испытывает душа, приближая себя к инициации, проделывается на тропе инициации осознано, переживается осознано. Вот почему эта тропа познания так болезненна, но также и спасительна. Однако человек в состоянии долго, долго, перед тем, как он осознанно освоиться со всем, что я описал вам

как этапы тропы посвящения, тропы инициации, выражать своими средствами эти переживания, выражать их в образах, - именно это происходит посредством музыки. В конце концов, существенным образом, настоящая музыка является бытием протекающем в звуках, протекающими в музыкальных тонах свершениями бытия; она есть внешний образ того, что осознано переживает душа на пути посвящения.

Оставаясь в повседневном бытии, человек может, не без последствий выполнить то, что мы могли бы назвать: «я», - как мы это описали вчера, - погружается в астральное тело. То, что предпринимает человек, погружаясь с «я» в астральное тело правильным образом, так что погружаться вниз, значит окунуться в Божественный мир, - это как раз и есть прохождение через инициацию. Однако образ этого дается нам в событиях, которые подступают к нам благодаря музыкальным творениям. Когда человек предаётся созданию или восприятию музыкальных произведений, он отчуждается от своего «я». Он оттесняет это «я» назад, но он как бы передает его всем тем Божественно-духовным силам, которые будут работать в его астральном теле, когда он поднимется до состояния Юпитера.

Обдумайте, как мы теперь приступаем к рассмотрению музыкального художественного творчества, которое связывает нас с будущим человечества. Это, можно сказать, почти нескромно, высказывать то, что музыкальное художественное творчество на самом деле призывает к тому, чтобы всё больше и больше совершенствоваться в мире, чтобы всё больше и больше углубляться в мир. То, что как музыкально-художественное творчество уже вступило в наш мировой порядок, есть более или менее всего лишь попытки, несмотря на всё великое, на всё гениальное в этом музыкально-художественном творчестве. Это всего лишь пробы

чего-то бесконечно более значительного в музыкально-художественном творчестве будущего. И это музыкально-художественное творчество будущего можно ощутить как побуждение, значительное побуждение, если только люди решаться на то, чтобы познакомиться с характером внутренней природы тропы инициации.

Если когда-нибудь то, что может быть описано в связи с тропой посвящения, будет переживаться людьми не так, как сегодня, но будет переживаться так, что человек при описании того, что должна тут пережить душа, испытает и восторг и тяжёлое разочарование, если это станет цельным переживанием, которое человек, читая, может испытать относительно тропы посвящения, тогда душа человека может быть впервые потрясена фактом своего участия в судьбах всех существ, которые во вне-человеческом бытии участвуют в событиях Космоса; душа человека будет переживать потрясения, лишения и избавления, которые подвигнут душу к тому, чтобы в сочетании звуков, тонов выразить то, что можно пережить при описании тропы посвящения. Если в будущем появятся люди, которые будут ощущать описания тропы посвящения, которые будут чувствовать, что возможны интенсивные переживания благодаря тому, что по видимости кажется выступающей навстречу абстракцией, чувствовать, что возможны переживания, гораздо более интенсивные, нежели имеются в наших внешних физических переживаниях. Тогда для натур, кто может ощутить в их истинности те вещи, которые описываются в связи с тропой посвящения, может наступить момент, когда они скажут себе: теперь я чувствую; то, что я теперь переживаю, связывает меня не с природой, внутри которой я нахожусь, будучи на земном шаре, но с тем, что ткёт и живёт в Космосе. О! я могу всё это не просто переживать, я мог бы это спеть, я мог бы об этом написать музыку!

В том, что может быть так описано, мы имеем указание на то, чем должна стать для человека духовная наука, ибо духовная наука должна живо побуждать человеческую душу, должна быть не только теорией, не только познанием, не только знанием. Духовная наука должна жить в душе, охватывать все силы в душе, должна делать из человека другое существо. В соответствие с ней человек должен сделать из себя самого другое существо, если он предаётся духовной науке.

В древности, можно сказать, ещё у древних греков, были солнечные люди, там ещё было атактистическое ясновидение, которое приводило людей к тому, чтобы отстранить от себя всё астральное существо и всё «я»-существо, чтобы в человеческом существе выражались только те законы, которые были впервые созданы в древнем сатурническом и солнечном бытии. Вследствие этого возникла греческая скульптура, те греческие скульптуры, которые, как произведения искусства действительно стоят перед нами так, как должен был бы духовно стоять перед нами солнечный человек, если мы понимаем его, как содержащего лишь физического человека с жизненным эфирным внутри, и ещё не содержащим астрального. Да, Венеру Милосскую, созданную греческим искусством мы можем рассматривать как некую стоящую перед нами персонификацию целомудренного, непорочного существа, поскольку порочность, отсутствие целомудрия, возможно лишь в астральном теле, во всём том, чем как порывами и вожделениями проникнуто астральное тело. В эфирном теле порочность, отсутствие целомудрия, ещё невозможно. Таково было наследие Божеств, которое совместно получили люди; то, что они стали предрасположены к тому, чтобы создавать такое искусство. Эта форма сопереживания лишь в эфирном и физическом телах, помимо «я» и астрального тела была утеряна людьми.

Когда же человек пробудился у тому, чтобы со своим «я» и астральным телом погрузиться в эфирное и физическое тело, он стал чувствовать и переживать, только то, что существовало в его «я». То, что происходит в его астральном теле, не говоря уже об его эфирном теле и физическом теле, оказалось в подсознании. Об этом на внутреннем уровне человек не знает. Но у греков еще существовало пророческое, предчувствующее ощущение. Однако мы, если мы ориентированы на то, чтобы духовнонаучное познание снова ожило в нас, чтобы оно не стало для нас всего лишь абстрактным познанием, нашим теоретическим знанием, но охватило всю нашу душевную жизнь, постепенно проникаем вниз, в то, что упорядочивает нас, учит познавать то, что всецело ритмизирует, гармонизирует, вносит цикличность в наше астральное тело и эфирное тело. И тогда мы приходим к неким, возможным для души последствиям того, что на эфирном уровне тело пульсирует, пульсирует пространство, и вызывает наружу из эфирного облики, формы.

Такая попытка должна быть предпринята при построении наших колонн, при построении наших архитравов в здании Гётеанума: погружение в сферы, в которые нам позволяет погрузиться духовная наука, забытая человечеством. Однако тут мы должны на самом деле с глубочайшей серьёзностью принять то, что может дать нам духовная наука. Вы можете из всего смысла вышеизложенного о духовной науке заключить, что если человек сознательно проникает в духовный мир, - а он и должен проникать в духовный мир сознательно, - итак, если он понятийно формирует то, что живёт в эфирном мире и в человеческом эфирном теле, и хочет услаждать себя тем, что сформировано, если он хочет войти туда, ему придется познакомиться с теми существами, которые обозначаются как люциферические и ариманические духи.

Вы только подумайте, сколько ариманических существ находится сегодня среди созданного нами. Вспомните о том, что я сообщал в отношении современной технической среды. Нам не остаётся ничего иного, как творить с помощью современной техники. Если бы мы захотели выполнять работу без помощи современной техники, это было бы подобно тепличному растению. Мне доставило известное удовольствие то, что мы здесь наше здание можем частично строить с помощью наиболее современных материалов, что мы его частично строили из бетона, ибо прогресс заключается не в том, что мы подобно тепличному растению изолируемся от остальной жизни, но в том, что мы используем то, что дает остальная жизнь. Когда мы на духовнонаучном уровне овладеваем мировой духовностью, мы пытаемся применять современные материалы, чтобы то, что мы постигаем духовнонаучно, жило в современных материалах.

Это, конечно, может осуществляться лишь до известной степени. Вы поймёте то, что мы говорили здесь о технической среде, если вы рассмотрите смысл всего этого в целом. Ибо техническое нельзя отделить от ариманического, если мы, например, хотим создать нечто для себя посредством архитектуры или скульптуры. Вот почему возникла трудная задача, как отделить от здания и обезвредить то, что в нашем здании по необходимости должно было быть ариманическим. Это была трудная задача, ведь мы знаем, что ариманическое должно быть связано с современным техническим творчеством. Какое-то время дело обстояло так, как если бы Ариман успешно добился превосходства над нами. Мы тогда были вынуждены всё то, что имело производственный характер, было техническим производством с известной стороны включить в наше здание, тем самым предоставив Ариману место в здании. Надо было думать о том, чтобы устранить из здания ариманические силы. Это могло произойти

только в том случае, если бы мы нашу котельную устранили, изолировали от здания. Как вы видите, именно это и произошло; было достигнуто то, что могло быть достигнуто, насколько это было возможно, вследствие осуществления разумных замыслов нашего дорогого господина Энглерта. Стало возможным, применяя современные материалы, построить формы, которые выражали бы следующее: здесь, вблизи здания, но, всё же вне здания, стоит то, что не должно находиться внутри, но должно находиться снаружи. Оно поставлено так, что то, к чему оно относится (то есть само здание), действительно является архитектурным строением, созданным в соответствии с духовнонаучными познаниями.

Огромное значение имеет то, что это удалось осуществить посредством новейших материалов. Ибо, видите ли, если вы углубляетесь в наши духовнонаучные сочинения, а именно, в последнюю главу мистерии «Врата посвящения», вы почувствуете там выражение того, что Люцифер и Ариман наиболее вредны тогда, если их не видят, если они остаются незримыми. Допустим, что кого-то мучают ариманические силы. Что могло бы противодействовать им наилучшим образом? Наилучшим противодействием было бы то, если он сформирует для себя какой-либо подходящий образ Аримана и поставит себе в комнату. Против того, что на астральном уровне мучает человека, лучшее средство, поставить это перед собой физически. Было бы неправильной точкой зрения, если верят в то, что когда имеют Аримана перед собой, человек последует за Ариманом. Имеет место противоположное. Эти вещи надо делать видимыми. При этом, однако, не надо нервничать, нельзя допускать, чтобы проходя мимо фигуры Аримана и бессознательно смотря на неё, человек носил в себе её отображение. Ибо тогда человек имеет это в себе невидимо, человек становится нервным, или возбужденным.

Одновременно вы, изучая нашу ариманическую дымовую трубу со всей котельной, должны видеть, каким благоприятным образом может быть архитектурно устроено то, что, можно сказать, относится к наиболее грубой ариманической культуре нашего времени. Некоторый вред этой культуры будет смягчен не раньше, пока человечество не примет решения архитектурно формировать то, что соответствует нашей ариманической культуре. Помимо всего остального, помимо того, что мы имеем здание для наших работ, является важным и то, что однажды должно было быть положено начало в деле отношения современной культуры к искусству, к художественному элементу, в деле отношения духовной науки к современной культуре. Такое тихое начало было положено этой котельной: она положила начало тому, посредством чего будут решены и другие проблемы. Огромной проблемой было бы также: обрести современный вокзал, ибо то гадкое, чудовищное, что существует сегодня в качестве вокзалов, является противоречием по отношению к человеческому началу. Как наша котельная во всех своих формах подходит не только к тому, что в ней происходит, но и к тому отношению в целом, в котором находится к нашему зданию Ариман, точно так же должен и вокзал подходить к тому, что происходит в нём, посредством него и внутри него в рамках нашей современной культуры.

Таковы вещи, на которые надо указывать ради оплодотворения художественного творчества, которое может осуществиться благодаря духовной науке. Можно убедиться в том, - если действительно войти в смысл и дух того, что должно следовать из духовной науки, - что если человек когда-либо углубляется в природу сатурнического начала, ему навстречу выступают глубинные законы аритектоники. Если же человек погружается в природу солнечного начала, ему навстречу выступают глубинные законы

скульптуры; когда же вы углубляетесь в лунное начало, вы внутренне входите в глубинные связи формы и цвета и в сущность светлого и тёмного; так вы получаете инспирации для художественного творчества.

А из описания пути посвящения будут исходить инспирации и интуиции для музыкального, и в некотором смысле для поэтического искусства. Когда-нибудь после придёт время, когда поэтическое творчество будет присутствовать в мире в подлинном смысле этого слова. Поэтическое творчество до известной степени завершилось, оно отзвучало. Божественные сны, грёзы, воплощённые в настоящих поэтах, принадлежали ещё к последним остаткам древнего божественного наследия. Но должно придти время, когда из прозрения в тайны инициации люди в драме, эпосе или лирике будут говорить о таких внутренних душевных процессах, которые переживает человек, если он живёт не только с одним собой, но если он живет в Божествами высших иерархий. О звучании стихов, которое всё снова и снова становится для нас отзвуком того, что люди переживают в физическом теле, в не столь отдалённое время человек будет говорить: пусть эти люди оставят меня в покое. То, что они с утра до вечера кого-то любят, кого-то ненавидят, чему-то радуются - это их собственное дело. Но то, что они переживают совместно с богами, найдя дорогу из земных переживаний, - об этом пусть рассказывают нам в своём музыкальном творчестве, об этом пусть рассказывают они нам, создавая драму, эпос или лирику. Ибо мы знаем: всё то, что человек может сопережить с внеземным бытием, должно быть получено посредством истинного, отстраненного от повседневных переживаний творчества.

Итак, вы видите, что в духовнонаучном познании заложены преобразовательные импульсы для понимания художественного. Так мы видим, насколько мы можем предчувствовать, - если мы

допускаем себя к этим духовнонаучным познаниям, - предчувствовать силы, которые должны господствовать в духовной культуре грядущего человечества. На самом деле, мы смеем верить, что никто не может подступиться к духовной науке, без того, чтобы глубоко внутренне преобразовать всё своё собственное существо. Мы смеем верить, что духовная наука представляет собой нечто такое, что может глубоко внутренне захватить человека, что выводит из тесной связи исключительно с физической жизнью. Если человек подразумевает такой идеал духовной науки, если он обретает смысл того, что при использовании духовной науки уже ведет в иные сферы, нежели сфера обычного переживания, тогда для него всякий раз имеет огромное значение то, если у кого-то, принадлежащего этому духовнонаучному движению, можно увидеть, что он действительно возжег в себе настоящую искру, которая выводит его за пределы обычного, узко личного переживания. Единственное, что сегодня мы благодаря духовнонаучному движению можем пережить как нечто отрадное, это то, что благодаря этому духовнонаучному движению среди нас могут появиться люди, которые действительно находят дорогу из личного в те сферы, где личного больше не существует.

В повседневности мы должны заботиться о личном, но поскольку мы совместно являемся последователями духовной науки, все личные воления и чувства, - если мы действительно охвачены духовной наукой, - превращаются в нечто сверхличное, и каждая победа над личным чувством, над личной трудностью в жизни, имеет бесконечное значение, бесконечную ценность. Но одновременно горьким разочарованием является, если то, что в ходе духовнонаучных устремлений было поволено чисто духовно, снова возвращается в лично-человеческое воление, в личные человеческие намерения, если личное начинает играть роль внутри того общества,

которое должно охватывать нас стремлением к духовной науке.

Мне не хотелось бы ту пару фраз, которые я высказал в заключении, излагать более точно, более точно описать их значение, поскольку я полагаю, что среди нас есть некоторые, кто, возможно многое поймёт в этих фразах, кто поймёт, что этими фразами указано на многое из того, что приносит удовлетворение и что разочаровывает. Сегодня, после того, как мы попытались на какое-то время вместе пройти по духовнонаучному пути, было бы хорошо когда-нибудь это обдумать, удержать перед собой, ибо есть много предпосылок для того, чтобы удержать это перед собой, если человек своей душой принимает участие в прямом, честном стремлении вверх, к духовным интересам, забота о которых осуществляется посредством духовнонаучного течения. Ибо, сколь величественная открывается перспектива, когда мы говорим себе: жизнь, наука, религия и даже искусство могут пережить преобразовательные импульсы, исходящие от правильно понятой духовной науки. Всё пластическое искусство происходит от того, что мы духовно познаем о прошлом, всё музыкальное искусство, искусство, связанное с речью происходит от того, к чему мы стремимся в себе, чтобы смочь идти навстречу будущему. Эта перспектива столь велика и мощна, что мы не можем этого ощутить в достаточной степени, не можем почувствовать её, чтобы более интенсивно уяснить её себе. И чем больше нам удаётся уяснить себе настроение, исходящее из нас, тем лучше ставим мы себя в качестве активных сочленов в том великом, - сегодня ещё малом, но предназначенном к величию, - организме, который известен нам как духовная наука. Вот что хотелось мне сегодня обратить не только к вашему рассудку и вашему разуму, но и заложить это в ваши души и сердца.

